

ВОСПИТАНИЕ В ПОЗДНЕРИМСКОЙ СЕНАТОРСКОЙ СЕМЬЕ

КЛАССИЧЕСКИЙ КАНОН И ХРИСТИАНСКИЙ ИДЕАЛ

Е.С. ЗАЙЦЕВА

В статье на примере сенаторской семьи Цейониев Руфиев рассматриваются нормы воспитания, принятые у язычников и христиан. Автор приходит к выводу, что воспитательные практики не противоречили друг другу, сосуществуя даже в пределах одной семьи. Позднеримская языческая воспитательная парадигма (благородное происхождение, религиозность, нравственные добродетели, умеренность в бытовых привычках, образованность и прохождение *cursus honorum*) сохраняла свое значение. Христианские интеллектуалы лишь дополнили ее новыми требованиями, такими как необходимость аскетизма в повседневной жизни и постоянного приобщения как умственной, так и физической деятельности. Отдельно наставники, в частности Иероним, оговаривали, что христианским девам не стоит принимать участия в общественной жизни. Изменился и корпус текстов, на основании которых христиане получали образование. Классических языческих авторов заменили произведения христианских апологетов и каноническая литература. Сенаторские семьи не всегда следовали этому воспитательному идеалу в повседневной жизни. Иногда аристократы не оставляли светской карьеры или обращались к переводу и комментированию языческих авторов начала империи. Такая ситуация была возможна, поскольку многие проповедники сами были воспитаны в рамках языческой традиции. Эта же причина позволяла христианским и языческим идеалам воспитания некоторое время сосуществовать в пределах одной семьи, не противореча друг другу. Однако постепенно языческие идеалы воспитания растворялись в набирающей силу христианской традиции.

HYPOTHEKAI
2019. Вып. 3. С. 173-199
УДК 37.01

HYPOTHEKAI
2019. Issue 3. P. 173-199
DOI: [10.32880/2587-7127-2018-3-3-121-173-199](https://doi.org/10.32880/2587-7127-2018-3-3-121-173-199)

Последние столетия (IV–V вв.) истории западной Римской империи оказались трудным временем. С одной стороны, постоянный натиск варваров на границы империи зачастую, если не ставил под угрозу существование государства, то нарушал привычное течение жизни. С другой стороны, внутреннее положение тоже было напряженным: Рим не был резиденцией императора, но никто не отменял его столичный статус. В прежней столице происходила острая борьба между представителями различных течений христианства и угасавшего язычества. Сенат утратил свое положение главного государственного органа, однако многие сенаторы по-прежнему занимали высокие должности¹, и сенаторское самолюбие тешилось идеей восстановления былого могущества сената. К тому же, переломный характер времени неизбежно ощущался, в особенности интеллектуалами, что влекло за собой попытки ученых людей собрать воедино остатки языческого наследия².

Подобное положение дел в государстве вынуждало интеллектуалов анализировать причины происходивших бедствий. Дабы исправить положение и предложить из него выход, авторы этого времени обратились к осмыслению классического наследия, пытаясь представить образец римского аристократа и противопоставить его идеалу сенатора-христианина, созданному Отцами Церкви. Идеал языческого аристократа представлен в сочинениях Аммиана Марцеллина, Симмаха, Макробия Феодосия, Рут依ия Намациана, а также в некоторых из посвятительных надписей, в частности, эпитафии Паулины, посвященной умершему супругу Веттию Агорию Претекстату (*CIL* VI.1779). Идеалы же воспитания сенаторов–христиан представлены в письмах Иеронима Стридонского, Амвросия Медиоланского, Августина Блаженного³. Каждый сенатор следовал тому или иному канону, в зависимости от религиозных убеждений, однако в рамках одной семьи иногда уживались приверженцы раз-

---

¹ Шкаренков (2004). С. 144.

² Уколова (1989). С. 33-35; Она же (1992). С. 41.

³ Особенно много рекомендаций по воспитанию содержится в письмах Иеронима (*Jer.* Ep. 22; 31; 32; 38; 39; 43; 44; 127; 128). Штрихи к портрету идеального христианина добавляет Амвросий (*Amb.* Ep. 18) и Августин (*Aug.* Ep. 29; 246).

ных религий и разных моделей воспитания⁴. Обращение к воспитательным традициям языческо-христианской семьи Цейониев Руфиев⁵ позволяет увидеть, как изменялись нормы и принципы воспитания римского аристократа периода Поздней Античности; насколько новые христианские нормы изменили языческие идеалы.

Одной из самых важных черт римского аристократа считалось благородное происхождение. Позднеантичные авторы — Аммиан Марцеллин, Симмах, Макробий Феодосий, Рутилий Намациан, Амвросий Медиоланский, Иероним Стридонский, — характеризуя того или иного представителя сенаторского сословия, в первую очередь, обращают внимание именно на его принадлежность к старым сенаторским *gentes*, мифическим основателям римского государства или иным известным историческим персонажам. Языческий автор Рутилий Намациан подчеркивал важность «правильного» достойного происхождения: «Руфий, в котором жива слава Альбина-отца. | Имя его родовое — от древнего рода Волуса, | Что из рутульских царей, как сообщает Марон» (*Rut. Nam. De red. suo* I.168–170). Не всегда родословная приводилась, иногда сенаторы обходились лишь упоминанием о ее знатности, как неперенном атрибуте римской аристократии. Паулина говорит о своем муже Претекстате: «Рожденный от благородного семени, / ты даешь свет отечеству, сенату и супруге...», чуть выше не забыв упомянуть и о «блистательности своих предков»⁶ (*CIL* VI. 1779).

Важность благородного происхождения можно объяснить кризисом сенаторской идентичности — почти все «старая» сенаторская

---

⁴ Подробнее о взаимодействии христианской и языческой традиций в позднеантичную эпоху см. *Литовченко* (2012). С. 84-87; *Haren* (1985). P. 37-82; По поводу воспитания в позднеримской семье в соответствии с языческими ценностями см. *Tanaseanu-Döbler* (2012). P. 97-146; *Greschat* (2018). P. 165-185. Подробнее об аскетизме в повседневной жизни *Clark* (1993). P. 94-118; *Vuolanto* (2015). P. 1-44, 69-80.

⁵ Подробнее о языческо-христианской семье Цейониев Руфиев см. *Sbriglione* (2010). P. 182-193; *Whiting* (2011–2012). P. 73-83.

⁶ [Sple]ndor parentum ni(hi)l mihi maius dedit / [quam] quod marito digna iam tum visa sum / [se]d lumen omne vel decus nomen viri / Agori superbo qui creatus germine / patriam senatum coniugemq(ue) inluminas (Перевод М.С. Петровой).

аристократия не пережила III в.⁷. По этой причине, представители сенаторской знати IV–VI вв. были вынуждены конструировать себе «знаменитое» происхождение по материнской или отцовской линии, создавать родственные связи с великими сенаторскими домами предшествующих эпох⁸. Эти *homo novus* не привносили свои порядки, новые ценности, а, по словам Г.С. Кнабе, «стремились войти в римскую традицию, усвоить себе ее черты, стать — а для начала прослыть и выглядеть — настоящим римлянином старой складки»⁹. Отсюда стремление приобщиться к старой аристократии с помощью вымышленных родословных. Впрочем, фиктивность подобных генеалогий была хорошо понятна еще современникам. По сообщению Аммиана: «Некоторые, блистая знатными, как они думают, именами, страшно гордятся тем, что зовутся Ребуррами, Флабуниями, Пагониями, Герсонами, Далиями, Таррациями, Перразиями и другими столь приятно звучащими славными именами» (*Амм.* XXVIII.4.7)¹⁰. Процесс складывания новой сенаторской аристократии завершился лишь к концу IV в., и сенаторские семьи со столетней задокументированной историей считались достаточно древними. В целом знание родословной на протяжении нескольких поколений и возможность отнести ее к основателям римского государства выдавало в человеке приверженца старины, знакомого с римской историей, что отражало значимость образования в этой среде.

Самой известной из оценок уровня образования позднеримской знати является ремарка Аммиана Марцеллина. Языческий историк сообщал, что сенаторы пренебрегали обращением к обширному литературному наследию, оставленному предками, посещением библиотек, чтением древних авторов: «Некоторые боятся науки, как яда, читают с большим вниманием только Ювенала и Мариа Максима и в своей глубокой праздности не берут в руки никакой другой

⁷ *Око́н* (2017). Р. 146-151; *Mennen* (2011). Р. 49-134.

⁸ Публичная демонстрация патрилинейных связей с великими в прошлом *gentes* очень важна для позднеримской аристократии, даже если таковых в действительности не было. См.: *Hillner* (2003). Р. 130-131; *Nathan* (1997). Р. 131.

⁹ *Кнабе* (1988). С. 167.

¹⁰ Здесь и далее Аммиан Марцеллин цитируется в переводе Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни под ред. Л.Ю. Лукомского.

книги» (*Amm.* XXVIII.4.14). Но, что еще хуже, чем чтение низкопробной плебейской литературы, они «людей образованных и серьезных избегают как скучных и бесполезных»¹¹ (*Amm.* XIV.6.15). С укором на современников Аммиан вспоминал Сократа, который, согласно преданию, перед смертью попросил музыканта, распевавшего под стенами темницы стихи Стесихора, обучить его этому произведению, чтобы «уйти из жизни, зная еще чуть-чуть больше» (*Amm.* XXVIII.4.15). Впрочем, по всей видимости, свою едкую критику историк направлял не по отношению ко всей столичной знати, а лишь к отдельным недостойным ее представителям.

Значение образованности для порядочного римского аристократа подчеркивал в письме своему другу Герению Сидоний Аполлинарий. Во время визита в Рим в составе овернской делегации он остановился в доме бывшего префекта города Флавия Синезия Геннадия Павла (*Flavius Synesius Gennadius Paulus*). Галльский оратор так описал достоинства своего римского друга: «Под кровлей бывшего префекта Павла, знаменитого столько же своей ученостью, сколько и добродетелью, я пользуюсь всеми выгодами ласкового и внимательного гостеприимства. Поистине ни в одном роде наук никто не может стать выше этого человека... какой он мастер на шарады, какое у него блестящее красноречие, какая легкость стиха, и какие удивительные вещи он умеет делать своими руками!» (*Sid. Apol.* I.9.1)¹². Таким образом, с точки зрения представителей позднеримской сенаторской знати образованность, ученость и, в целом, принадлежность к пайдее являлись не менее важными качествами, чем благородное происхождения.

Важно отметить, что среди аристократов-язычников образованность воспринималась не как конечный результат, заверченный

---

¹¹ Исследователи предполагают, что подобная критика могла относиться не ко всем сенаторам, а лишь к отдельным представителям сословия, по-видимому, имевшим непростые отношения с автором *Res Gestae*. Таким образом, Аммиан выражал свою личную неприязнь против какого-то определенного аристократа, возможно, отказавшего ему в доступе к своей библиотеке или к содержащимся в ней документам. См.: *Ruggini* (2003), P. 372.

¹² Здесь и далее Сидоний Аполлинарий цитируется в переводе М.М. Стасюлевича.

процесс, а как постоянное саморазвитие и самосовершенствование на этой стезе, непрерывные литературные занятия. К примеру, Претекстат прославлялся Паулиной как обладающий многими добродетелями, в частности, пристрастием к литературному творчеству: «Ибо все, что создано на двух языках [латинском и греческом] / усердием мудрецов, которым открыты врата небес, / будь то мастера в создании поэзии, / или того, что изложено не ритмизированной речью, / ты передал в лучшей форме, чем, читая, воспринял»¹³ (*CIL* VI. 1779). По сути, в сенаторской среде допускалась и поощрялась увлеченность науками и литературным трудом даже из праздного любопытства.

Для достижения идеала в аристократической среде, много времени уделялось образованию детей. Позднеримские сенаторы, имевшие достаточное количество времени, не занятого государственной службой, и финансовые возможности, старались самостоятельно заниматься воспитанием наследников и не перекладывали эти обязанности на нанятых учителей. Именно с целью приобщения своего сына Евстахия к высокой культуре задумывал свои «Сатурналии» один из знаменитых антикваров V в. Макробий Феодосий. Макробий привел в своем произведении ссылки на многочисленных авторов, входивших в круг чтения позднеримского аристократа-язычника, и формировавших его мировоззрение: трактаты Цицерона, Афиней, Плутарха, Авла Геллия, учения Платона, Плотина, Ямвлиха, Порфирия. Особое место в произведении отводилось комментированию «Энеиды» Вергилия¹⁴. Свое произведение Макробий посвятил сыну: «При этом она пожелала [Природа. — *Е. З.*], чтобы наша главная забота состояла в воспитании и образовании потомства... А потому и мне ничто не кажется более важным, чем твое обучение. Заботясь о его завершении, я предпочел короткий путь долгим кружениям, и, не допуская задержки, не желая ждать,

¹³ "...tu namque quidquid lingua utraq(ue) est proditum / cura soforum porta quis caeli patet / vel quae periti condidere carmina / vel quae solutis vocibus sunt edita / meliora reddis quam legendo sumpseras" (Перевод М.С. Петровой).

¹⁴ Уколова (1992). С. 59-64; Петрова (2013). С. viii; Там же. С. 687-696.

пока ты сам продвнешься в том, об изучении чего ты ревностно заботишься, я, помимо прочего, замыслил собрать для тебя то, что было добыто мной в различных свитках либо на греческом, либо на латинском языке... Пусть все это будет тебе запасом знания, собранным из, так сказать, закров учености»¹⁵ (*Macr. Sat. I. Praef. 1-2*). Важно отметить, что Макробий увещевал сына не просто зазубривать приведенные факты, а стараться проникать в их глубинный смысл, раздумывать над ними, дабы «не допустить остаться нетронутым [всему тому], что вбираем [в себя], чтобы оно не было [нам] чужим. Но пусть оно перерабатывается в некий порядок, иначе может войти [лишь] в память, [а] не в ум» (*Macr. Sat. I. Praef. 7*). Для усвоения Евстахием посвященного ему сочинения требовалась основательная подготовка, которой он обладал, о чем с гордостью упомянул его отец. Евстахий, очевидно, уже успел пройти обучение, как минимум, грамматике и риторике, и, возможно, Макробий, обратившись к жанру «симпосиев», хотел помочь своему сыну приобщиться к искусству ведения дискуссии, которую развивала логика, чтобы завершить, таким образом, систему тривия.

Именно образование позволяло привить еще одно необходимое римскому сенатору качество — добродетель. Соответствие определенному нравственному кодексу поведения было обязательным для классической языческой воспитательной парадигмы, хотя и уже заметно изменившейся со времен ранней империи под влиянием стоицизма и распространения восточных культов. Еще во II в. была сформулирована модель культурного и умеренного во всем аристократа, называвшаяся *verecundus*¹⁶. Она выражалась в скромности, отсутствии бытовых излишеств, отстраненности от плебейских удовольствий, в общем, определенной умеренности духовной жизни, что способствовало возвышению благородных нобилей над массой плебса, предававшегося недостойным развлечениям вроде посещения гладиаторских боев, представлений на ипподроме и в цирке. К модели, поддерживавшейся сенаторами-язычниками со временем приобщились и христиане. Сенатор, не соответствующий этим

---

¹⁵ Здесь и далее Макробий Феодосий цитируется в переводе В.Т. Звиревича под ред. М.С. Петровой.

¹⁶ *Brown* (1988). P. 339-427.

стандартам подвергался риску, как обозначает П. Браун, быть зараженным «моральной ипохондрией»¹⁷. Аристократ Евангел, выступающий в качестве участника застольных бесед в «Сатурналиях», представлен у Макробия как «нескромный молодой человек, бестактный и шокирующий присутствующих, не выбирающий выражений», очевидно, от недостатка воспитания (*Macr. Sat. I.11.2*).

В сенаторской среде четко оформилось и представление об образцовой женщине. Идеальный моральный облик обычно фиксировался в погребальных надписях, где умерший представлялся в обрамлении своих лучших качеств. Так Паулина и Претекстат представлены как «благие и благочестивые», обладающие «душевной порядочностью», верные друг другу супруги¹⁸. Глубокая религиозность и почитание богов также относились к добродетелям.

Впрочем, в представлении позднеримского общества одной лишь добродетельности было недостаточно, для того чтобы соответствовать образу идеального представителя римской знати. Обладание богатством и занятие высших государственных должностей имели не меньшее значение, чем знатное происхождение и образованность: «сенат представляет много имен, известных огромными богатствами, знатного рода, почтенных по летам, опытных в деле совета, высокопоставленных по званию и равных по общественному положению...» (*Sid. Apol. I.9.2*). Сидоний Аполлинарий упоминал двух сенаторов, особо влиятельных в середине V в. в Риме, «первых лиц в государстве после императора», — Геннадия Авиена и Цецину Василия. Один из них, Цецина Деций Максим Василий¹⁹, при-

¹⁷ Браун (2017). С. 274.

¹⁸ «Рожденный от благородного семени, / ты даешь свет отечеству, сенату и супруге, / душевной порядочностью... / Как супругу подругу привлек для священных таинств, / разделившую [с тобой] знание о богах и людях, верную тебе. / Здесь нет мне нужды упоминать о [твоих] чинах и должностях, / радостях, к которым стремятся в своих чаяниях люди, / и которые ты всегда считал бранными и ничтожными. / Ты жрец богов, слышьшь возвышенным в своей святости. / Ты, о супруг, научив меня благу, / жребию чистоты и целомудрия, освободил меня от смерти... / Благодаря тебе все меня почитают как благу и благочестивую, / хвалят, ибо ты сам прославил меня как благу... (*CIL VI.1779*).

¹⁹ Caecina Decius Maximus Basilius. См.: *Chastagnol* (1966). P. 79.

надлежал к роду Цейониев Руфиев и имел солидный *cursus honorum*: префект претория Италии 458 г., ординарный консул 463 г., префект претория во второй раз и патриций в 463–465 гг. Сидоний Аполлинарий называет его «*principes in senatu*», что подчеркивает его высокий статус. Сидонию Аполлинарию, который искал патрона, рекомендовали выбрать между Авиеном и Василием. Герений, с которым этот вопрос обсуждал Сидоний Аполлинарий, рекомендовал остановить свой выбор на Василии, достигшем консульства благодаря своим заслугам, а не «счастьем», как Авиен. По мнению Герения, в качестве патрона «Авиен все свое внимание употреблял на возвышение сыновей, зятьев и братьев; беспокоимый постоянно домашними кандидатами, но не так легко мог заботиться об удовлетворении требований посторонних искателей» (*Sid. Apol.* I.9.3). Хотя Авиен и был достойным аристократом, но в меньшей степени заботился о своей клиентелле, помогая в первую очередь членам своей семьи. Василий, напротив, ценил, по-видимому, не столько родство, сколько способности человека: «с Василием удавалось сойтись немногим и не вдруг, но зато с пользой» (*Sid. Apol.* I.9.4). Благодаря стараниям Василия Сидоний Аполлинарий смог прочесть панегирик перед императором и удостоился звания патриция и должности префекта Рима в 467 г. Впрочем, даже старые нобили карьеру рассматривали уже не как цель, а как средство, с помощью которого родные и сограждане могли улучшить свое положение²⁰.

Из перечисленных особенностей воспитания можно вывести языческий воспитательный канон аристократа в поздней Римской империи. Он включал определенный набор характеристик: благородное происхождение, религиозность, нравственные добродетели, образованность и прохождение *cursus honorum*²¹. Л. Руджинни включает в *topos* еще «добродетельную бедность древних рим-

---

²⁰ В числе заслуг упомянутого Претекстата та, что, не ставя получение очередной должности в качестве приоритета, он занимал их, чтобы помогать согражданам, их самих же «всегда считал бранными и ничтожными».

²¹ Иногда эти характеристики сводились лишь к формальностям, исполняемым напоказ, например, реальное исполнение должностей детьми сенаторов сводилось к синекурам, а воинские подвиги становились в один ряд с успехами циркового возницы. См.: *Кнабе* (1988). С. 159-161.

лян»²², основанную на республиканских *exempla* от Валерия Публикола до Аттилия Регула и Сципиона. На наш взгляд, в позднеантичную эпоху аскетизм, характерный для идеала *mos maiorum*, сменила умеренность и осуждение нарочитой демонстрации богатства в повседневной жизни. В целом, представлении о бедности как о достоинстве было, скорее, характерно для созданного в трудах Отцов Церкви образа сенатора-христианина, который, в идеале, должен был пожертвовать свое имущество на богоугодные дела (например, отдать его Церкви).

В отличие от не делавшего акцентов на религиозной принадлежности Аммиана Марцеллина, Иероним Стридонский, специально противопоставлявшего благочестивых христиан (Павлу, Марцеллу и их семьи²³) и неверных язычников (Претекстата и Паулину). Образ идеально воспитанного христианина, описанный им, прямо противопоставляется неверному, с его точки зрения, языческому канону, выраженному в этой языческой супружеской паре. «...Тот, кто за несколько дней до этого достиг высшей из своих должностей, кто поднимался на Капитолийский холм, словно справляя триумф над поверженными врагами, кого плеском рук и топотом ног встречал поверженный народ, кончиной коего был потрясен вселенский Город, теперь, покинутый и лишенный всего, пребывает не в небесном дворце Млечного [пути], как измышляет его несчастная жена, но среди тьмы и смрада»²⁴ (*Jer.* Ер. XXIII. 2-3). Иероним, очевидно,

²² *Ruggini* (2003). P. 371.

²³ Их семьи были религиозно смешанными, однако не навлекают на себя такой ненависти Иеронима, как семья Претекстата. Ср.: «Ты родилась от брака неравного; от тебя и от моего Токсоция родилась Павла. Кто поверил бы, что у Понтифекса Альбина, вследствие материнского обета, родится внучка, которая, в присутствии обрадованного деда, еще лепечущим языком малютки будет петь Христово аллилуйя?... Я думаю даже, будь он еще юношей и имей такое родство, он мог бы уверовать во Христа. Пусть он оплюет и осмеет мое письмо, пусть прокричит, что я и глуп, и сумасброден; так делал и зять его пока не уверовал [Токсоций — *E.3.*]...» (*Jer.* Ер. 107) и «Пусть лучше будет служанкой дьявола, чем моей, та, что измышляет, будто ее неверный муж был перенесен на небеса» (*Jer.* Ер. 39, 3).

²⁴ Здесь Иероним Стридонский цитируется в переводе М.С. Петровой.

осуждал карьерные устремления, получение почестей и славы, и эвергетизм, направленный в адрес толпы, а не на богоугодные дела. Впрочем, несмотря на резкие выпады в адрес язычников, Иероним предъявлял к аристократам–христианам во многом те же требования, что и сенаторы–язычники по отношению к своим единоверцам.

Обратимся к идеалам воспитания в рамках смешанной в религиозном отношении сенаторской семьи Цейониев Руфиев²⁵, членам которой адресован ряд писем Иеронима. Сохранившийся эпистолярный комплекс позволяет нам увидеть ситуацию *in domo*. Вероятно, Иероним Стридонский активно общался с некоторыми из членов рода лично, не только переписывался. Представители этого рода разошлись к двум противоположным полюсам: часть их, в основном, мужчины, оставались верными языческим позднеантичным традициям²⁶; а почти вся прекрасная половина приобщилась к хри-

---

²⁵ Часть исследователей возводят происхождение этой семьи к сенаторским *gentes* времени ранней империи, другие считают их *homo novus*. О. Зеек ведет происхождение рода Цейониев-Руфиев от Цейониев эпохи принципата — известной фамилии, которая стала занимать значимое место в имперской политике с Луция Цейония Коммода, ординарного консула 78 г. См.: *Seeck* (1899). S. 1829-1830. М. Арнейм также причисляет предков Гая Цейония Руфия Волузиана к аристократическому роду Цейониев и считает, что фамилия имела достаточно длинную благородную родословную и через род Нуммиев могла быть связана с патрициями поздней республики. См.: *Arnheim* (1972). P. 130-131. Т. Барнс отмечает, что все представления о благородном происхождении Волузиана основываются на сомнительных источниках, таких как «*Scriptores Historiae Augustae*», следовательно, нет оснований считать его наследником древних аристократов. См.: *Barnes* (1975). P. 43-44. А. Джонс также ведет родословную Цейониев-Руфиев, начиная с Цейония Руфия Волузиана, и не указывает на его предков благородного происхождения. См.: *Jones* (1971). P. 977-978.

²⁶ Руфий Антоний Агриппий Волузиан (*Rufius Antonius Agrippinius Volusianus* б) с рождения был язычником, однако отторжения у него христианское учение, по-видимому, не вызывало. Он состоял в переписке с Августином, обсуждая религиозные вопросы (*Aug. Ep.* 16), однако сам не торопился принимать новую религию. В 436 г. Волузиан в связи с женитьбой императора Валентиниана III отправился в составе посольства в Константинополь. Во время путешествия он заболел и под влиянием племянницы Мелании, христианки, сменил веру. Руфий Антоний Агриппий

стианству уже с середины IV в. Следует отметить, что сенаторы воспринимали религиозное смешение в рамках семьи как норму, о чем свидетельствует тот же Иероним в письме к Лэте: «Ты родилась от брака неравного; от тебя и от моего Токсоция родилась Павла. Кто поверил бы, что у Понтифекса Альбина, вследствие материнского обета, родится внучка, которая, в присутствии обрадованного деда, еще лепечущим языком малютки будет петь Христово аллилуйя?.. Я думаю даже, будь он еще юношей и имей такое родство, он мог бы уверовать во Христа. Пусть он оплюет и осмеет мое письмо, пусть прокричит, что я и глуп, и сумасброден; так делал и зять его пока не уверовал [Токсоций. — *Е. 3.*]...» (*Jer. Ep. 107*)²⁷. Очевидно, Публилий Цейоний Цецина Альбин не особо стремился понять заповеди чужой религии, но и не запрещал другим членам семьи исповедовать христианство. Хотя Токсоций позже и обратился в христианство, Альбин остался верен заветам предков; более того, он занимал должность понтифика²⁸.

Еще один пример, Паммахий, муж Паулины и внук Цейония Руфия Альбина, видимо, сам был расположен к христианству, и христиане в Риме относились к нему с уважением. Судя по одному из писем Иеронима, он даже интересовался христианской литературой: «Некоторые, пришедши из Рима, читали мне выдержки из моего сочинения и говорили, что познакомились с ним в Риме... Я слышу, что все в Риме очень хорошо относятся к тебе. Слышу,

---

Волузиан умер в начале 437 г. под именем Епифаний (*V. Mel. Lat. II. 19–24*). Трудно сказать, насколько он сам желал перейти в новую религию, однако в этом случае можно допустить искренность принятого им решения. Следующие поколения мужчин в роду были уже христианами.

²⁷ Здесь и далее письма Иеронима Стридонского цитируются по изданию: *Иероним Стридонский. Творения. В 17 ч.* Киев, 1789–1903.

²⁸ В целом, к внутрисемейным различиям в религиозных предпочтениях римские аристократы того времени относились весьма толерантно и часто не обращали внимания на то, каким богам поклоняются домашние и слуги. В смешанных браках между язычниками и христианками муж-язычник, как правило, принимал религиозные убеждения своей жены-христианки. См.: *Петрова* (2013). С. 667. По поводу влияния жен и матери на аристократов и обращения их в христианство см.: *Brown* (1961). P. 6; *Salzman* (1989). P. 214.

что расположение первосвященника и народа одинаково склонны к тебе... Если ты прочтешь книги шестнадцати пророков, переведенные мною с еврейского на латинский язык, и я узнаю, что ты доволен этим трудом, то этим ты побудишь меня выпустить из моего арсенала остальное, что в нем находится. Недавно я перевел на наш язык Иова, экземпляр этой книги можешь получить в обмен (т.е. на книги пророков) от сподвижницы твоей, св. Марцеллы... Церковный перевод, если и имеет красоту слога, должен не дорожить ею и избегать ее, чтобы быть понятным не для праздных школ философов и не для многих учеников, но для всего рода человеческого» (*Jer. Ep. 47*).

Также, как и их собратья по сословию, члены фамилии Цейониев-Руфиев постулировали свою исключительную знатность. Они удрежняли свою родословную, иногда доводя ее до самого Энея: «Она [Павла, внучка Публилия Цейония Цецины Альбина, христианка. — *Е. З.*] была благородна по происхождению... Ветвь Гракхов, отрасль Сципионов, наследница Павла, от которого получила и самое имя, действительный и прямой потомок Марции Папирии, матери Африканского... Итак, принадлежа по рождению к такой фамилии, она вступила в супружество с Токсоцием, в жилах которого текла знаменитейшая кровь Энея и Юлиев...» (*Jer. Ep. 108*).

Ценность образования также не утратила своего значения для сенаторов-христиан. Знакомство с традиционной культурой, знание древних авторов продолжало высоко цениться в принявших новую веру сенаторских фамилиях. Члены рода Цейониев-Руфиев, отойдя от государственных дел, занимались литературным трудом, переводя, комментируя или подражая классическим римским авторам. К примеру, Юлий Науцеллий (*Iulius Naucellius*), зять Гая Цейония Руфия Волузиана Лампадия, проживая под конец жизни в своем имении в Сполетии, переводил с греческого языка работу о «*prisca respublica*»²⁹. Ветгий Агорий Василий Маворций совместно с оратором Секуром Мемором Феликсом (*Securus Memogus Felix*) подготовил издание трудов Горация. Авторы посвящали аристократам свои работы в знак особого расположения. Так Цецине Децию Альбину младшему грамматик Сервий посвятил «*Ars Donati*». В целом, сенаторы-христиане продолжали считать себя наследниками классиче-

---

²⁹ *Cameron* (1964). P. 17.

ской римской культуры, и не спешили отказываться от традиционной системы воспитания и в IV, и в V, и даже в VI вв.³⁰. Такие люди, как Флавий Кассиодор или Боэций, продолжали приобщаться к сочинениям античных философов (Платон, Аристотель, Порфирий, Прокл, Плотин, Цицерон, Сенека), историков (Геродот, Тит Ливий, Полибий, Аммиан Марцеллин, Аврелий Виктор), поэтов (Гомер, Софокл, Еврипид, Плавт, Теренций, Катулл, Вергилий, Овидий, Гораций, Проперций, Стаций, Лукан, Ювенал)³¹. Несмотря на то, что эти «последние римляне» были христианами в пятом-шестом поколении, многое в образовательных и воспитательных практиках они унаследовали от своих языческих предков. Между античными и раннесредневековыми культурными традициями наблюдался несомненный континуитет³². Однако вовсе отказывать христианству во влиянии на образовательные традиции в среде римских аристократов все же не стоит³³. Несмотря на преемственность в традициях образования, христиане из Цейониев Руфиев все же изменили свой образ жизни, и, соответственно, подход к воспитанию. Богословы, которые поддерживали переписку с представителями рода, регулярно наставляли их, выражали свое отношение к языческой культуре, к принятым нормам жизни. Своими советами и проповедями они оказывали влияние на образ жизни представителей рода Цейониев Руфиев.

К примеру, новые верования существенно корректировали набор «учебной» литературы. По мнению Иеронима, он должен был в основном включать в себя произведения христианских апологетов и канонической литературе: «Пусть прежде всего изучает Псалтирь; в притчах Соломоновых пусть изучает науку жизни... Екклесиаст... книга Иова... Евангелия... Деяния и послания апостольские... Пророки, Пятикнижие, книги Царств, Паралипоменон, также — Ездры и Есфири. Всяких апокрифов она должна остерегаться. Сочинения-

³⁰ Литовченко (2012). С. 69; Она же (2007). С. 33; Шкаренков (2005). С. 5. Этому способствовал и тот факт, что уже к середине 380-х гг. на Западе появился ряд христианских теологов, получивших классическое образование, благодаря чему с успехом сочетавших христианское вероучение и античную метафизику. См. Фокин (2010). С. 69-106.

³¹ Шкаренков (2005). С. 6.

³² Уколова (1992). С. 105; Она же (1983). С. 5-6.

³³ Уколова (1983). С. 5-6.

ца Киприана она должна иметь всегда под руками. Письма Афанасия и Илария — беспрепятственно» (*Jer. Ep. 107*). Женщине из сенаторской семьи тоже было важно получить образование, более того, все советы по воспитанию от Иеронима касаются в основном девушек³⁴. Он так же, как и Макробий, не являлся сторонником пассивного чтения текстов, поощряя адресатов задавать вопросы, вступать в полемику: «Так как я тогда несколько славился знанием священного Писания, то никогда не случалось, чтобы она не спросила чего-нибудь по части священного Писания; и не удовлетворялась тотчас ответами, но поднимала возражения... всего, что мною собрано продолжительным трудом и от долговременного размышления обратилось в природу, всего этого она отведала, все изучила, все усвоила, так что после моего отъезда, если заходил спор о каком-нибудь свидетельстве из Писаний, то обращались к ее суду... Подгородное поместье стало для вас монастырем и селение, выбранное вами, — пустыней...» (*Jer. Ep. 103*).

Обосновывая необходимость строгого воспитания, Иероним резко отрицательно отзывался о господствующих в Риме нравах: «В развратном обществе и городе, в который иногда стекался народ со всего света, за которым была пальма пороков... Вдовы (языческие) обыкновенно раскрашивают лица румянами и белилами, блестят в шелковых платьях, сияют драгоценными камнями, носят золото на шеях, и, проткнувши уши, привешивают к ним дорогие перлы из Красного моря, щеголяют в черепаховых уборах, о мужьях так сокрушаются, что радуются об окончании их господства над ними и ищут других, не таких, которым бы служить, по заповеди Божией, а таких, над которыми бы властвовать. Поэтому они выбирают (в мужья) бедных, чтобы они только по имени казались мужьями, терпеливо допускали совместников, и могли быть тот час же прогнаны, как скоро заропщут» (*Jer. Ep. 127*). В противовес Иероним восхвалял достойных христианок с их подобающим рабам Божьим внешним видом и праведным образом жизни: «Наша вдовица [Марцелла. — *Е. 3.*] употребляла такую одежду, какой только требовал

---

³⁴ Одно из немногих исключений — письмо Иеронима к Паммахию, внуку Цейония Руфия Альбина, где проповедник советует читать книги Пророков и предлагает в распоряжение Паммахия свои труды (*Jer. Ep. 47*).

холод и которая только не обнажала членов; золота не допускала даже на перстне для печати, скрывая оное более в утробах бедных, чем в кошельках. Никуда не ходила без матери; из клириков или монахов (к коим иногда необходимость заставляла прибегать в широком хозяйстве) никого не видала без свидетелей. Всегда сопровождали ее девственницы и вдовы, столь же серьезные женщины... Редко показывалась в публике и особенно избегала домов благородных матрон, чтобы не быть принужденною видеть то, что презирала... Ожерелья и всю домашнюю рухлядь, все это гибнущее, она уступила богатым, и предпочла потерять деньги, чем опечалить душу матери...» (*Jer. Ep. 127*).

Иероним старался помочь в воспитании детей христиан в городе, где, по его мнению, было много искушений и дурных примеров, и в семье, многие члены которой являлись язычниками: «Уступая просьбам святой Маркеллы и твоим, я предполагал обратить свою речь к матери, то есть к тебе, и поучить, каким образом ты должна воспитывать нашу Павлу [Павла — дочь Токсоция и Лэты, внучка Публилия Цейония Цецины Альбина. — *Е. 3.*]... Пусть учится она слушать и говорить только то, что относится к страху Божию. Общество резвых мальчиков должно быть удалено от нее; самые девушки и горничные должны воздерживаться от мирских разговоров с ней... Для нее должны быть сделаны азбучные буквы из букового дерева и названы каждая своим именем. Пусть она забавляется ими, чтобы самая забава была для нее учением... Больше всего должно остерегаться, чтобы она не возненавидела ученья... Учителем должно выбрать человека зрелых лет, доброй жизни и с хорошими сведениями; я не думаю, чтобы ученый муж постыдился принять на себя по отношению к родственнице или благородной девице такие же точно обязанности, какие принял на себя Аристотель по отношению к сыну Филиппа... первые начатки учения иначе преподаются ученым и иначе невеждой. Пишут, что красноречию Гракхов принесла великую пользу речь матери, которую слушали они с детства. Речь Гортензия привилась к нему еще в отцовских объятиях» (*Jer. Ep. 107*).

Иероним затрагивал все аспекты воспитания христианской аристократки, обращал внимание на внешний вид, род занятий, общение со сверстниками. Внешний вид, по его мнению, обязан соответствовать исповедуемой религии, христианка не должна уподоб-

ляться знатным римлянкам, оставшимся язычницами: «Сам наружный вид и одежда ее должны готовить ее к тому, к чему она предназначена. Не прокальвай, предостерегаю тебя, ее ушей; белилами и румянами не разрисовывай лица, посвященного Христу; не души ей шей золотом и жемчугом; не отягощай головы драгоценными камнями; не подцвечивай волос в красный цвет...» (*Jer.* Ep. 127). Истинным христианкам лучше не появляться в обществе без необходимости, дабы избежать искушений: «Она не должна обедать в обществе, т.е. на пирах у родителей, чтобы не видела кушаний, которых могла бы пожелать... Если переезжаешь в загородный дом, не оставляй дочь дома; пусть она и не умеет, и не будет в состоянии жить без тебя... Пищей ей должны служить овощи и тому подобное, и изредка рыба... она должна так есть, чтобы всегда чувствовать легкий голод...» (*Jer.* Ep. 127). Следует избегать развлечений, любая деятельность должна приносить пользу. Иероним советовал не предаваться лени, развлечениям, приучать детей к труду несмотря на то, что финансовые возможности семьи позволяли им пренебрегать: «К музыке пусть она будет глуха. Она не должна знать, для чего существует флейта, лира, арфа. Пусть учит греческие стихи. Но с этим вместе пусть изучает она и латинскую речь... Пусть она учится готовить лен, держать мычку, носить на поясе корзину, крутить веретено, вести пальцами нитку. Пусть готовит одежды такие, которые защищают от холода, а не такие, которые обнажают одетое тело» (*Jer.* Ep. 127). Понимая, что все эти требования трудно соблюдать, проживая в Риме, Иероним выражал готовность взять воспитание Павлы на себя, в качестве духовного наставника семьи: «[Если не сможешь всего этого обеспечить. — *Е. З.*] — отдай малютку Евстохии... Если пришлешь Павлу, даю торжественное обещание, что сам буду лично и учителем ее, и воспитателем» (*Jer.* Ep. 127).

Итак, в рамках семьи Цейониев Руфиев сочетались христианские и языческие идеалы, порождавшие дуализм в воспитательных практиках. Тем не менее, в этой семье конфликта в традициях воспитания не наблюдалось³⁵, так что, внушка понтифика Публия Цей-

---

³⁵ Помимо Цейониев Руфиев, многие другие сенаторские семьи IV–V вв. в религиозном отношении оставались смешанными, и их представители мирно уживались между собой.

ония Цецины Альбина «в присутствии обрадованного деда, еще лепечущим языком малютки» пела «аллилуйя» (*Jer. Ep. 107*).

Иероним Стридонский наполнил позднеримский языческий канон воспитания новым содержанием в соответствии с христианскими традициями. Сохранив требования следовать нравственным добродетелям, соблюдать религиозность и приобщаться к литературным занятиям, он, тем не менее, требовал от своих адресатов соблюдать ряд ограничений.

Иероним полностью исключал развлечения из форм христианского отдыха. Единственными разрешенными видами досуга были молитва и чтение. Наставником запрещалась музыка, хотя прежде сенатор-язычник, даже следовавший модели *verecundus*, во время пиров традиционно наслаждался игрой музыкантов.

Аристократам следовало прививать даже не умеренность, а аскетизм. Особое внимание уделялось внешнему виду знатных христиан, которые должны были отказаться от украшений, нарядной одежды, макияжа. Иероним поощрял труд, а не пассивное времяпрепровождение, даже если это позволяло семейное благосостояние.

Изменился и перечень книг, рекомендованных христианину для прочтения. Сам Иероним, получивший образование, в том числе и классическое, рекомендовал своим ученикам читать исключительно душеспасительную литературу. Кроме того, христианам, по мнению Иеронима, не следует увлекаться риторикой, по крайней мере, богослов советует своим адресатам дискутировать в письмах, а не словесно.

Иероним полагал, что нужно ограничить участие женщин, особенно христианских дев, в общественной жизни города. Следовательно, воспитание в рамках христианской модели, по мнению наставника, не должно предполагать для женщин большей свободы, по сравнению с языческой практикой³⁶. Слушательницы Иеронима

---

³⁶ Заветы наставника зачастую не соблюдались. Аристократки, принявшие христианство, часто получали больше возможностей для благотворительности и другой общественной деятельности, нежели женщины, придерживавшиеся язычества. Подробнее см.: *Ведешкин (2018)*. С. 109-111. К тому же, написание Иеронимом все новых и новых писем с настойчивы-

могли лишь более регулярно приобщаться к литературным изысканиям, нежели это было до принятия христианства³⁷.

С другой стороны, у Иеронима и других христианских менторов, несмотря на требования соблюдать умеренность и даже аскетизм в быту, отсутствуют прямые выпады против богатства. Владение собственностью и финансовыми средствами Иероним не осуждал, особенно в том случае, если оно могло перейти в распоряжение Церкви. Христианские общины испытывали нужду в богатых покровителях, которых Церковь различными способами пыталась привлечь на свою сторону. Так, Дж. Харрис приводит случай, произошедший с Паулином Ноланским. Этот аристократ, владевший значительными финансовыми средствами, был без его согласия возведен в сан епископа в Барселоне в 394 г. Затем ему пришлось бежать в Нолу³⁸. Не выдвигал Иероним сенаторам–христианам и прямых требований оставить карьеру. Его осуждение карьерных устремлений относится лишь к представителям семей явно языческих. Стремление Токсоция, мужа христианки Павлы, пройти *cursus honorum* не повлекло за собой слишком осуждающих отзывов со стороны богослова.

Иероним благосклонно относился к роду Цейониев Руфиев, и поэтому желал сгладить семейные неурядицы, возникавшие из-за

ми советами по воспитанию невольно наводит на мысль, что они выполняли не только воспитательную функцию. Регулярным обменом подобными посланиями Иероним стремился «завоевать аудиторию» для своей «христианской программы», опередив Пелагия, который также в свою очередь сочинил ряд обращений аристократам, в частности, наиболее известное из них — «*Ad Demetrium*». Пелагий не надеялся на исполнение воспитательных заветов, а лишь пытался привлечь внимание к своей доктрине. Подробнее об «*Epistula ad Demetrium*» Пелагия, письме (*Epistula* 130) Иеронима к той же Деметрии и в целом о подобных письмах как выражении борьбы между христианскими идеологами за «аудиорию» см.: Kurdock (2007). P. 190-224.

³⁷ Противоположную точку зрения см.: Ruggini (1989). P. 263. Л. Руджини утверждает, что женщины стремились к свободе, которую им давало христианство, мужчины же требовали обратиться к нравам предков и возобновить обычай *lanificium* («прядание шерсти»).

³⁸ Harries (2003). P. 126.

столкновения языческих и христианских воспитательных моделей. Однако идеал сенатора, принятый в полностью языческой семье Веттия Агория Претекстата, по основным положениям не вступает в конфликт с требованиями Иеронима³⁹. Лояльные римские аристократы-язычники смогли бы совместить ценности, присущие адептам язычества и христианства. Однако последователи христианства, видя неприязнь к язычникам со стороны наставников, к тому же поддерживаемую государством, с течением времени могли отходить от мирного сожительства в рамках одной семьи, дабы не размывать религиозную идентичность и не искушать детей следовать за членами *gentes*, не принявшими христианскую веру.

В сенаторской семье Цейониев Руфиев сохранилась старая воспитательная парадигма, лишь отчасти дополненная новыми требованиями христианского аскетизма и постоянного приобщения как умственной, так и физической деятельности. Очевидно, такая сохранность была вызвана во многом тем, что сами проповедники, создававшие христианский идеал аристократа, были воспитаны в языческой традиции. С их точки зрения, различные воспитательные установки могли быть безболезненно совмещены в рамках одной семьи.

БИБЛИОГРАФИЯ И ЕЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Ann.* — Аммиан Марцеллин. Римская история. / Пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни под ред. Л. Ю. Лукомского. СПб.: Алетейя, 2000.
- Aug.* — Augustine. Epistulae // CSEL 34.1. Pragae; Vindobonae; Lipsiae, 1895. P. 37–39.
- CIL VI* — *Corpus Inscriptionum Latinarum*. Vol. VI Inscriptiones urbis Romae Latinae. / Collegerunt G. Henzen, I. B. De Rossi, E. Bormann, Chr. Huelsen, M. Bang. Berolini, 1876–2000.
- Jer.* — Иероним Стридонский. Письма. // Творения Блаженного Иеронима Стридонского. Часть 2. 2-е изд-е. Киев: Типография И.И. Чоколова,

---

³⁹ Веттий Агорий Претекстат восхваляется в эпитафии за свои добродетели, религиозность, литературные занятия, надлежащее исполнение *cursus honorum* (не в качестве самоцели, а для помощи близким).

1894. — 432 с.; Часть 3. Киев: Типография аренд. Е.Т. Керер, 1880. — 412 с.

Macr. Sat. — *Макробий Феодосий*. Сатурналии. / Пер. с лат. и древнегреч. В.Т. Звиревича. / Общ. ред., составление, вступит. статья М.С. Петровой. / Примечания и указатели М.С. Петровой, В.Т. Звиревича. / Приложения М.С. Петровой. — М.: Кругъ, 2013.

Rut. Nat. — *Рутилий Намациан*. Возвращение на родину // Поздняя латинская поэзия / Пер. с лат., сост. и вступ. Статья М.Л. Гаспарова. М.: Художественная литература, 1982.

Sid. Apol. — *Сидоний Аполлинарий*. Письма // История Средних веков: от падения Западной Римской империи до Карла Великого (476–768 гг.) / Сост. М.М. Стасюлевич. 3-е изд-е. СПб: Полигон; М.: АСТ, 2001.

V. Mel. Lat. — *Vita Sanctae Melaniae Junioris* // *Analecta Bollandiana*, 8. 1889. P. 16–63.

Браун (2017). — *Браун П.* Поздняя античность // История частной жизни / Под ред. Ф. Арьеса, Ж. Дюби. Т. 1: От Римской империи до начала второго тысячелетия / Под ред. П. Вейна. М., 2017. С. 269-354.

Ведешкин (2018). — *Ведешкин М.А.* Языческая оппозиция христианизации Римской империи (IV–VI вв.). СПб., 2018. — 358 с.

Кнабе (1988). — *Кнабе Г.С.* Категория престижности в жизни Древнего Рима // Быт и история в античности. М., 1988. С. 143–169.

Литовченко (2007). — *Литовченко Е.В.* К образу Аполлинария Сидония. Человек поздней античности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. № 3. (2007). С. 30–38.

Литовченко (2012). — *Литовченко Е.В.* Письма Сидония и жизнь позднеантичного общества // Научные ведомости Белгородского государственного университета. № 7. (2012). С. 69-73.

Петрова (2013). — *Петрова М.С.* Макробий Феодосий и его «Сатурналии» // Макробий Феодосий. Сатурналии / Пер. с лат. и древнегреч. В.Т. Звиревича / Общ. ред., составл., вступит. ст. М.С. Петровой / Примеч. и указ. В.Т. Звиревича и М.С. Петровой / Приложения М.С. Петровой. М., 2013. — 810 с.

Уколова (1989). — *Уколова В.И.* Античное наследие и культура раннего средневековья (конец V — начало VII века). М., 1989. — 320 с.

Уколова (1983). — *Уколова В.И.* Культура Остготской Италии // Средние века. Вып. 46. (1983). С. 5-26.

- Уколова* (1992). — *Уколова В.И.* Поздний Рим: пять портретов. М., 1992. — 157 с.
- Уколова* (1992). — *Уколова В.И.* «Последние римляне» и парадигмы средневековой культуры // ВДИ. № 1. (1992). С. 104-118.
- Фокин* (2010). — *Фокин А.Р.* Античная метафизика и христианская теология в трактатах Мариа Викторина // Интеллектуальные традиции античности и средних веков (исследования и переводы) / Под ред. М.С. Петровой. М., 2010. С. 69-106.
- Шкаренков* (2004). — *Шкаренков П.П.* Римская традиция в варварском мире. Флавий Кассиодор и его эпоха. М., 2004. — 270 с.
- Шкаренков* (2005). — *Шкаренков П.П.* Translatio imperii: Флавий Кассиодор и римская традиция в Остготской Италии // Новый исторический вестник. 2005. № 1. С. 5-22.
- Arnheim* (1972). — *Arnheim M.T.W.* The Senatorial Aristocracy in the Later Roman Empire. Oxford, 1972. — 246 p.
- Barnes* (1975). — *Barnes T.D.* Two senators under Constantine // The Journal of Roman Studies. Vol. 65. (1975). P. 40-49.
- Brown* (1961). — *Brown P.* Aspects of the Christianization of the Roman Aristocracy // The Journal of the Roman Studies. Vol. 51. (1961). P. 1-11.
- Brown* (1988). — *Brown P.* The Body and Society: Men, Women, and Sexual Renunciation in Early Christianity. New York, 1988. — 504 p.
- Cameron* (1964). — *Cameron A.* The Roman friends of Ammianus // The Journal of Roman Studies. Vol. 54. Pt. 1, 2. (1964). P. 15-28.
- Clark* (1993). — *Clark G.* Women in Late Antiquity. Pagan and Christian Life-Styles. Oxford: Clarendon Press, 1993. P. 94-118.
- Chastagnol* (1966). — *Chastagnol A.* Le Sénat Romain Sous le Règne d'Odoacre: Recherches sur l'Épigraphie du Colisée au Ve Siècle. Bonn, 1966. — 108 p.
- Greschat* (2018). — *Greschat K.* «Early Impressions are Hard to Eradicate from the Mind». The Lasting Influence of Domestic Education in Western Late Antiquity // Teachers in Late Antique Christianity / Ed. by P. Gemeinhardt, O. Lorgeoux, M. Munkholt Christensen. P. 165-185.
- Harries* (2003). — *Harries J.* Favor Populi: Pagans, Christians and Public Entertainment in Late Antique Italy // Bread and Circuses: Euergetism and Municipal Patronage in Roman Italy. / Ed. by K. Lomas, T. Cornell. London; New York, 2003. P. 125-141.

- Hillner* (2003). — *Hillner J.* Domus, Family, and Inheritance: the Senatorial Family House in Late Antique Rome // *The Journal of Roman Studies*. Vol. 93. (2003). P. 129-145.
- Jones* (1971). — *Jones A., Martindale J.R.* The Prosopography of the Later Roman Empire. Volume I. A.D. 260–395. Cambridge, 1971. — 1152 p.
- Kurdock* (2007). — *Kurdock A.* Demetrias ancilla dei: Anicia Demetrias and the Problem of the Missing Patron // *Religion, Dynasty, and Patronage in Early Christian Rome, 300–900* / Ed. by K. Cooper, J. Hillner. Cambridge, 2007. P. 190-224.
- Mennen* (2011). — *Mennen I.* Power and Status in the Roman Empire, AD 193–284. Leiden; Boston, 2011. — 306 p.
- Nathan* (1997). — *Nathan G.S.* The Family in Late Antiquity. The Rise of Christianity and the Endurance of Tradition. Routledge; London; New York, 1997. — 271 p.
- Okoń* (2017). — *Okoń D.* Album senatorum. Vol. II. Senatorowie epoki Sewerów (193–235 AD). Studium prozopograficzne. Szczecin, 2017. — 398 p.
- Ruggini* (1989). — *Ruggini L.C.* La Donna e il Sacro, Tra Paganesimo e Christianesimo // *Atti del II Convegno Nazionale di Studi su la Donna nel Mondo Antico*. Torino 18–20 aprile 1988. Torino. (1989). P. 243-275.
- Ruggini* (2003). — *Ruggini L.C.* Rome in Late Antiquity: Clientship, Urban Topography, and Prosopography // *Classical Philology*. 2003. Vol. 98, № 4. (2003). P. 366-382.
- Salzman* (1989). — *Salzman M.* Aristocratic Women: Conductors of Christianity in the Fourth Century // *Helios*. Vol. 16. (1989). P. 207-220.
- Sbriglione* (2010). — *Sbriglione L.* La «Gens» Caeionia: Étude Prosopographique et Réflexions sur la Convesion d'Une Famille Aristocratique // *Ancient Society*. 2010. Vol. 40. P. 153-196.
- Seeck* (1899). — *Seeck O.G.* Ceionius Rufius Volusianus // *Realencyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft*. Bd III, Hbd 6. Stuttgart, 1899. S. 1829-1830.
- Tanaseanu-Döbler* (2012). — *Tanaseanu-Döbler I.* Education in Late Antique Paganism // *Religious Education in the Pre-Modern Europe* / Ed. by I. Tanaseanu-Döbler, M. Döbler. Leiden; Boston: Brill, 2012. P. 97-146.
- Vuolanto* (2015). — *Vuolanto V.* Children and Asceticism in Late Antiquity Continuity, Family Dynamics and the Rise of Christianity. Farnham/Burlington: Ashgate, 2015.

Whiting (2011–2012). — *Whiting M.* Asceticism and Hospitality as Patronage in the Late Antique Holy Land: the Examples of Paula and Melania the Elder // *Wiener Jahrbuch für Kunstgeschichte*. 2011–2012. № 60/61, P. 73-83.

Evgeniya S. ZAITSEVA

EDUCATION IN THE LATE ROMAN
SENATORIAL FAMILY

THE CLASSICAL CANON AND THE CHRISTIAN IDEAL

This article examines the models of education adopted by pagans and Christians on the example of the senatorial family of Ceionii Rufii. The author comes to the conclusions that educational practices did not contradict each other coexisting within the same family. Late roman pagan educational paradigm (noble origin, religiosity, moral virtues, education and going up of *cursus honorum*) retained their significance. Christian intellectuals only supplemented it with new demands, such as the need for asceticism in everyday life and constant involvement in both mental and physical activities. In addition the corpus of educational literature for Christians has changed. Classical pagan authors have replaced the works of Christian apologists and canonical literature. Senators did not always follow this educational ideal. Sometimes they continued to pursue a secular career, translate and comment on the pagan authors of the beginning of the empire. This situation was possible, since many preachers themselves were brought up in the pagan tradition. For the same reason, Christian and pagan ideals of education coexisted for some time within the same family. Gradually, however, the pagan ideals of education were dissolved in the growing Christian tradition.

REFERENCES

- Amm.* — *Ammian Martellin*. Rimskaya istoriya. / Per. Yu. A. Kulakovskogo i A.I. Sonni pod red. L. Yu. Lukomskogo. SPb.: Aletyya, 2000.
- Aug.* — *Augustine*. Epistulae // CSEL 34.1. Praegae; Vindobonae; Lipsiae, 1895. P. 37-39.
- CIL VI* — *Corpus Inscriptionum Latinarum*. Vol. VI Inscriptiones urbis Romae Latinae. / Collegerunt G. Henzen, I. B. De Rossi, E. Bormann, Chr. Huelsen, M. Bang. Berolini, 1876–2000.

- Jer.* — *Ieronim Stridonskiy*. Pis'ma. // Tvoreniya Blazhennogo Ieronima Stridonskogo. Chast' 2. 2-e izd-e. Kiev: Tipografiya I.I. Chokolova, 1894. — 432 s.; Chast' 3. Kiev: Tipografiya arend. E.T. Kerer, 1880. — 412 s.
- Macr. Sat.* — *Makrobiy Feodosiy*. Saturnalii. / Per. s lat. i drevnegrech. V.T. Zvirevicha. / Obshch. red., sostavlenie, vstupit. stat'ya M.S. Petrovoy. / Primechaniya i ukazateli M.S. Petrovoy, V.T. Zvirevicha. / Prilozheniya M.S. Petrovoy. — M.: Krug", 2013.
- Rut. Nam.* — *Rutiliy Namatsian*. Vozvrashchenie na rodinu // Pozdnyaya latinskaya poeziya / Per. s lat., sost. i vstup. Stat'ya M.L. Gasparova. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1982.
- Sid. Apol.* — *Sidoniy Apollinariy*. Pis'ma // Istoriya Srednikh vekov: ot padeniya Zapadnoy Rimskoy imperii do Karla Velikogo (476–768 gg.) / Sost. M.M. Stasyulevich. 3-e izd-e. SPb: Poligon; M.: AST, 2001.
- V. Mel. Lat.* — *Vita Sanctae Melaniae Junioris* // Analecta Bollandiana, 8. 1889. P. 16-63.
- Braun* (2017). — *Braun P.* Pozdnyaya antichnost' // Istoriya chastnoy zhizni/ Pod red. F. Ar'yesa, Zh. Dyubi. T. 1: Ot Rimskoy imperii do nachala vtorogo tysyacheletiya / Pod red. P. Veyna. M., 2017. S. 269–354.
- Vedeshkin* (2018). — *Vedeshkin M.A.* YAzycheskaya oppozitsiya hristianizatsii Rimskoy imperii (IV–VI vv.). SPb., 2018. — 358 s.
- Knabe* (1988). — *Knabe G.S.* Kategoriya prestizhnosti v zhizni Drevnego Rima // Byt i istoriya v antichnosti. M., 1988. S. 143–169.
- Litovchenko* (2007). — *Litovchenko E.V.* K obrazu Apollinariya Sidoniya. Chelovek pozdney antichnosti // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. № 3. (2007). S. 30–38.
- Litovchenko* (2012). — *Litovchenko E.V.* Pis'ma Sidoniya i zhizn' pozdneantichnogo obshchestva // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. № 7. (2012). S. 69–73.
- Petrova* (2013). — *Petrova M.S.* Makrobiy Feodosiy i ego «Saturnalii» // Makrobiy Feodosiy. Saturnalii / Per. s lat. i drevnegrech. V.T. Zvirevicha / Obshch. red., sostavl., vstupit. st. M.S. Petrovoy / Primech. i ukaz. V.T. Zvirevicha i M.S. Petrovoy / Prilozheniya M.S. Petrovoy. M., 2013. — 810 s.
- Ukolova* (1989). — *Ukolova V.I.* Antichnoe nasledie i kul'tura rannego srednevekov'ya (konets V — nachalo VII veka). M., 1989. — 320 s.
- Ukolova* (1983). — *Ukolova V.I.* Kul'tura Ostgotskoy Italii // Srednie veka. Vyp. 46. (1983). S. 5-26.

- Ukolova* (1992). — *Ukolova V.I.* Pozdnyy Rim: pyat' portretov. M., 1992. — 157 s.
- Ukolova* (1992). — *Ukolova V.I.* «Poslednie rimlyane» i paradigmy srednevekovoy kul'tury // VDI. № 1. (1992). S. 104-118.
- Fokin* (2010). — *Fokin A.R.* Antichnaya metafizika i khristianskaya teologiya v traktatakh Mariya Viktorina // Intellektual'nye traditsii antichnosti i srednikh vekov (issledovaniya i perevody) / Pod red. M.S. Petrovoy. M., 2010. S. 69-106.
- Shkarenkov* (2004). — *Shkarenkov P.P.* Rimskaya traditsiya v varvarskom mire. Flaviy Kassiodor i ego epokha. M., 2004. — 270 s.
- Shkarenkov* (2005). — *Shkarenkov P.P.* Translatio imperii: Flaviy Kassiodor i rimskaya traditsiya v Ostgotskoy Italii // Novyy istoricheskiy vestnik. 2005. № 1. S. 5–22.
- Arnheim* (1972). — *Arnheim M.T.W.* The Senatorial Aristocracy in the Later Roman Empire. Oxford, 1972. — 246 p.
- Barnes* (1975). — *Barnes T.D.* Two senators under Constantine // The Journal of Roman Studies. Vol. 65. (1975). P. 40-49.
- Brown* (1961). — *Brown P.* Aspects of the Christianization of the Roman Aristocracy // The Journal of the Roman Studies. Vol. 51. (1961). P. 1-11.
- Brown* (1988). — *Brown P.* The Body and Society: Men, Women, and Sexual Renunciation in Early Christianity. New York, 1988. — 504 p.
- Cameron* (1964). — *Cameron A.* The Roman friends of Ammianus // The Journal of Roman Studies. Vol. 54. Pt. 1, 2. (1964). P. 15-28.
- Clark* (1993). — *Clark G.* Women in Late Antiquity. Pagan and Christian Life-Styles. Oxford: Clarendon Press, 1993. P. 94-118.
- Chastagnol* (1966). — *Chastagnol A.* Le Sénat Romain Sous le Règne d'Odoacre: Recherches sur l'Épigraphie du Colisée au Ve Siècle. Bonn, 1966. — 108 p.
- Greschat* (2018). — *Greschat K.* «Early Impressions are Hard to Eradicate from the Mind». The Lasting Influence of Domestic Education in Western Late Antiquity // Teachers in Late Antique Christianity / Ed. by P. Gemeinhardt, O. Lorgeoux, M. Munkholt Christensen. P. 165-185.
- Harries* (2003). — *Harries J.* Favor Populi: Pagans, Christians and Public Entertainment in Late Antique Italy // Bread and Circuses: Euergetism and Municipal Patronage in Roman Italy. / Ed. by K. Lomas, T. Cornell. London; New York, 2003. P. 125–141.
- Hillner* (2003). — *Hillner J.* Domus, Family, and Inheritance: the Senatorial Family House in Late Antique Rome // The Journal of Roman Studies. Vol. 93. (2003). P. 129-145.

- Jones* (1971). — *Jones A., Martindale J.R.* The Prosopography of the Later Roman Empire. Volume I. A.D. 260–395. Cambridge, 1971. — 1152 p.
- Kurdock* (2007). — *Kurdock A.* Demetrias ancilla dei: Anicia Demetrias and the Problem of the Missing Patron // Religion, Dynasty, and Patronage in Early Christian Rome, 300–900 / Ed. by K. Cooper, J. Hillner. Cambridge, 2007. P. 190-224.
- Mennen* (2011). — *Mennen I.* Power and Status in the Roman Empire, AD 193–284. Leiden; Boston, 2011. — 306 p.
- Nathan* (1997). — *Nathan G.S.* The Family in Late Antiquity. The Rise of Christianity and the Endurance of Tradition. Routledge; London; New York, 1997. — 271 p.
- Okoń* (2017). — *Okoń D.* Album senatorum. Vol. II. Senatorowie epoki Sewerów (193–235 AD). Studium prozopograficzne. Szczecin, 2017. — 398 p.
- Ruggini* (1989). — *Ruggini L.C.* La Donna e il Sacro, Tra Paganesimo e Christianesimo // Atti del II Convegno Nazionale di Studi su la Donna nel Mondo Antico. Torino 18–20 aprile 1988. Torino. (1989). P. 243-275.
- Ruggini* (2003). — *Ruggini L.C.* Rome in Late Antiquity: Clientship, Urban Topography, and Prosopography // Classical Philology. 2003. Vol. 98, № 4. (2003). P. 366-382.
- Salzman* (1989). — *Salzman M.* Aristocratic Women: Conductors of Christianity in the Fourth Century // Helios. Vol. 16. (1989). P. 207-220.
- Sbriglione* (2010). — *Sbriglione L.* La «Gens» Caeionia: Étude Prosopographique et Réflexions sur la Convesion d'Une Famille Aristocratique // Ancient Society. 2010. Vol. 40. P. 153-196.
- Seeck* (1899). — *Seeck O.G.* Ceionius Rufius Volusianus // Realencyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft. Bd III, Hbd 6. Stuttgart, 1899. S. 1829–1830.
- Tanaseanu-Döbler* (2012). — *Tanaseanu-Döbler I.* Education in Late Antique Paganism // Religious Education in the Pre-Modern Europe / Ed. by I. Tanaseanu-Döbler, M. Döbler. Leiden; Boston: Brill, 2012. P. 97-146.
- Vuolanto* (2015). — *Vuolanto V.* Children and Asceticism in Late Antiquity Continuity, Family Dynamics and the Rise of Christianity. Farnham/Burlington: Ashgate, 2015.
- Whiting* (2011–2012). — *Whiting M.* Asceticism and Hospitality as Patronage in the Late Antique Holy Land: the Examples of Paula and Melania the Elder // Wiener Jahrbuch für Kunstgeschichte. 2011–2012. № 60/61, P. 73-83.